

Сердце, рвавшееся наружу с безумной жадью, требовало большего, но в то же время она боялась, что Е Чжицю догадается. Мучительная тревога и терзания разрывали ее душу, и она была готова растопить Е Чжицю в своих объятиях, лишь бы это прекратилось.

Линь Дунцин тяжело и прерывисто дышала. Припав к губам Е Чжицю, она целовала ее снова и снова, не в силах оторваться.

— Чжицю, — дверь внезапно распахнулась, раздался низкий голос.

Линь Дунцин инстинктивно выпрямила спину и в испуге отпрянула от Е Чжицю. Обернувшись, она увидела Линь Цзяньхэна, стоявшего на пороге с лицом, полным изумления и шока.

Линь Цзяньхэн никак не ожидал, что досрочный выход из затвора заставит его стать свидетелем подобной сцены.

Его собственная младшая сестра обнимала его жену, и обе они лежали на кушетке в разорванных одеждах. Лицо Линь Цзяньхэна посинело от гнева. Он увидел, как Линь Дунцин перекувыркнулась через подоконник и в мгновение ока скрылась из виду.

— Чжицю, — он вдохнул слабый аромат тлеющего дурмана. Такой дозы было бы недостаточно, чтобы свалить его самого, но для не владеющей боевыми искусствами Е Чжицю этого хватало с избытком.

Линь Цзяньхэн поднял Е Чжицю и, убедившись, что та без чувств, немного успокоился, но в то же время его снесал гнев на Линь Дунцин, дошедшей в своемвольном бесчинстве до такого позора.

Он не спеша застегнул пуговицы на одежде Е Чжицю, аккуратно ее расправил, распахнул окно, и только после этого Е Чжицю медленно пришла в себя. Глядя на него, она озарила его нежной улыбкой:

— Супруг мой, ты вышел из затвора.

— Мм, — отозвался Линь Цзяньхэн и, молча притянув ее к себе, крепко обнял.

— Я ведь только что читала книгу, надо же, как заснула, — улыбнулась Е Чжицю, утыкаясь ему в грудь. — Это ты перенес меня сюда? Вышел из затвора и даже не велел меня предупредить... Ты не голоден?

Линь Цзяньхэн поднял руку и нежно коснулся ее щеки:

— Не голоден. Если хочешь спать, ложись в постель.

Е Чжицю только шевельнулась, как вдруг почувствовала влагу на груди, остаточную легкую боль и странное ощущение внизу живота. Смущенно улыбнувшись, она шутливо укорила его взглядом:

— Небось пока я спала, распускал руки, совсем стыд потерял.

Линь Цзяньхэн уложил ее на кушетку. Его темный взгляд заставил Е Чжицю стыдливо отвести глаза. Безмолвно развязав ее одежды, Линь Цзяньхэн медленно овладел ею и, тяжело дыша, прошептал:

— Подари мне ребенка, Чжицю.

Вернувшись в свою комнату, Линь Дунцин пришла в ярость и, тыча пальцем в нос следовавшей по пятам Бай Цзиньжун, принялась ругать ее:

— Куда ты смотрела, ослепла, что ли?! Мой брат — такой здоровый амбал — вошел внутрь, а ты даже не соизвоила подать голос?!!

Бай Цзиньжун опустила голову, уголки ее губ тронула едва заметная улыбка, а голос прозвучал робко и заискивающе:

— Хозяин виллы обладает высочайшим мастерством, я вовсе не заметила его приближения. К тому же он вошел не через главные ворота, должно быть, перемахнул через крыши и стены.

— Перемахнул через крыши и стены, черт побери! — доведенная до белого каления Линь Дунцин ткнула ее в лоб. — Ты что, тайком клевала носом?! Вот и плетешь чушь, чтобы меня провести!

— Нет, нет, я совсем не спала, вон какие глазища! — Бай Цзиньжун сдерживала смех, широко распахнув глаза и глядя на нее.

— Тупая как свинья! — Линь Дунцин со злости плюхнулась на стул, схватила стоявший рядом чайник и принялась жадно вливать в себя чан за чаном, нахмутив брови.

— Хозяин виллы всё видел? — осторожно приподняв голову, спросила Бай Цзиньжун.

Стоило только заговорить об этом, как Линь Дунцин снова закипела от гнева и швырнула в нее чайник. Бай Цзиньжун прикрыла голову руками и присела на корточки, уворачиваясь. Чайник со звоном врезался в стену и разлетелся на куски, а вода разлилась по полу.

— Вторая барышня, что же теперь делать? — уговаривала Бай Цзиньжун. — Может, повиниться перед хозяином виллы, чтобы больше такого не повторялось?

Линь Дунцин холодно фыркнула:

— Увидел и увидел. Все равно сестрица Чжицю в конце концов будет моей.

Беки Бай Цзиньжун тяжело дрогнули. Эта ее одержимость поистине зашла слишком далеко: неужели даже Линь Цзяньхэн не способен ее остановить?

Линь Цзяньхэн не стал рассказывать Е Чжицю о случившемся, но и из затвора больше не выходил — целыми днями он неотлучно находился рядом с женой, не оставляя Линь Дунцин ни единой лазейки.

Получив от ворот поворот, Линь Дунцин возвращалась к Бай Цзиньжун и срывала на ней злость, отчего той приходилось тяжело.

Каждый раз после их близости Бай Цзиньжун на следующее утро не могла подняться с постели, кусала зубами одеяло и молча проливала слезы.

С тех пор как правда раскрылась, отношение Линь Цзяньхэна к Линь Дунцин изменилось — оно стало прохладным и отстраненным. Он не мог испытывать ненависть к не ведающей зрелости Линь Дунцин, но и смириться с увиденной картиной — как она кувыркается на ложе с его собственной женой — был не в силах. Это занозой сидело у него в сердце.

И все же Линь Цзяньхэн знал: не за горами та самая десятилетняя клятва и битва за звание Первого Меча Поднебесной с Сектой Десяти Тысяч Мечей.

Десять лет назад старый хозяин виллы отдал все силы и жизнь, чтобы отстоять табличку Первый Меч Поднебесной, а спустя десять лет это бремя легло на его плечи.

Он ни в коем случае не мог уронить эту табличку в своей грязи, иначе как бы он посмел предстать на том свете перед предками семьи Линь?

Титул Первого Меча Поднебесной звучал грозно и величественно, но за кулисами скрывались лишь горечь и слезы.

Многие прославленные школы и великие секты, а также молодые одержимые мастера боевых искусств и глупцы почитали Первый Меч Поднебесной как высшую вершину боевого мастерства.

Проиграть Первому Мечу Поднебесной не считалось позором, но стоило одержать победу — и твое имя гремело по всей Поднебесной.

Дело было беспроегрешным и невероятно заманчивым, поэтому желающих бросить вызов

вилле с каждым днем становилось все больше.

Среди них были и те, кто жаждал пустой славы, и посредственности, и откровенные шарлатаны — пестрая смесь из драконов и змей, но все они доставили обитателям виллы немало головной боли.

Ох, до чего же дошло.

Третье поколение

— Хозяин виллы, это письма с вызовом, присланные на виллу за последние дни, — ученик передал Линь Цзяньхэну толстую пачку посланий. — Пару дней назад глава Школы Асакура приходил вызвать вас на поединок, но ученик разбил его и прогнал.

Линь Цзяньхэн кивнул:

— Подобную мелкую мошкарку и слушать не стоит, вежливо проводите — и дело с концом.

Он швырнул пачку вызовов на стол и медленно закрыл глаза.

— Если отвечать на каждый вызов любого выскочки, нас перестанут уважать в боевых искусствах.

Ученик почтительно ответил:

— Когда был жив прежний хозяин виллы, они еще кое-как сдерживались. Но теперь эти цыганские секты видят, что хозяин виллы столь молод, но уже стал Первым Мечом, и наверняка думают, что нам можно сесть на шею, раз у них появился шанс. Вот и шлют послания одно за другим.

Линь Цзяньхэн фыркнул и медленно сжал кулаки. Этот титул хозяина виллы ему действительно достался по воле покойного главы.

Если бы дело решалось исключительно боевым мастерством, очередь до него не дошла бы — был кое-кто посильнее. К сожалению, та особа оказалась женщиной, к тому же старый хозяин виллы не благоволил ей.

Хотя официально она числилась второй барышней, жилось ей в поместье хуже, чем какому-нибудь дальнему родственнику семьи Линь.

Ученик замялся и вытащил из-за пазухи письмо:

— Прошу хозяина виллы взглянуть и на это послание. В реках и озерах о нем уже вовсю судачат.

Заметив взгляд Линь Цзяньхэна, ученик пояснил:

— Это вызов от Секты Десяти Тысяч Мечей.

Зрачки Линь Цзяньхэна сузились:

— Что? Разве до десятилетней клятвы с Сектой Десяти Тысяч Мечей не оставалось еще времени? Почему вызов пришел сейчас?

Он взял письмо и раскрыл его. Иероглифы были размашистыми, свободными и исполненными мощи — очевидно, автор обладал глубокой внутренней энергией. Внизу стояла подпись: Цан Лан, глава Секты Десяти Тысяч Мечей.

В письме говорилось, что десять лет назад тот давал клятву самому старому хозяину виллы Линь Хуаньшэну. Теперь же старец отбыл в чертоги бессмертных, оставив после себя лишь сына Линь Цзяньхэна. Сражаться с ним означало бы кичиться возрастом и силой перед младшим, а потому Цан Лан направляет своего самого выдающегося ученика по имени Фэн Линь.

Если Линь Цзяньхэн проиграет Фэн Линю, то десятилетняя клятва аннулируется. Если же Линь Цзяньхэн одолеет Фэн Линя, это докажет, что он обладает достаточной силой для поединка с самим Цан Ланом, и тогда тот прибудет на встречу, дабы никто не упрекнул его в нарушении кодекса чести.

— Этот Фэн Линь ровесник хозяина виллы, он — приемный сын Цан Лана, а его Метод владения мечом «Разрывающий волны» доведен до совершенства. Недавно до нас дошли слухи, что некий японский фехтовальщик потратил целых два дня на победу над другими, и Фэн Линь отправился бросить ему вызов, — ученик с опаской покосился на помрачневшее лицо Линь Цзяньхэна и добавил: — Японский фехтовальщик не продержался под его началом и десяти приемов, как был повержен.

Линь Цзяньхэн яростно скомкал письмо и с посиневшим от злости лицом процедил:

— Десяти приемов?!

Если бы не вмешательство Линь Дунцин, он сам ни за что не смог бы одолеть японского фехтовальщика. Но Фэн Линь победил его всего за десять приемов! Это свидетельствовало о невероятной глубине его мастерства. Если подумать, сколь же непостижимым искусством владел сам Цан Лан!

Линь Цзяньхэн сидел в кресле с перекошенным от гнева лицом, его взгляд был непроницаем, а ладони судорожно сжаты в кулаки.

— Хозяин виллы, будем принимать вызов? — ученик бросил взгляд на Линь Цзяньхэна.

Линь Цзяньхэн долго молчал, поддерживая ладонью лоб и раздумывая:

— Дай мне подумать.

— Если не принять вызов, авторитет семьи Линь неизбежно пошатнется. А этот Фэн Линь и вовсе заявляет, что лично сорвет табличку Первого Меча Поднебесной и отвезет ее в подарок своему приемному отцу Цан Лану, — в комнату вошел третий дядя Линь Цзяньхэна, Линь Хуаньюн. В молодости он гремел по всему боевому миру под прозвищем Железная Рука, но, к несчастью, в одном из поединков лишился руки и ноги. Опираясь на трость, он медленно вошел внутрь.

— Третий дядя! — Линь Цзяньхэн поспешно поднялся ему навстречу и с горечью произнес: — Но, судя по словам старшего ученика, Фэн Линь необычайно силен, и в грядущем поединке у вашего племянника нет шансов на победу.

Линь Хуаньюн обвел его тяжелым взглядом своих широких глаз под густыми бровями на иссеченном морщинами лице, велел ученику удалиться и произнес:

— У тебя нет шансов, зато они есть у твоей сестры.

— Дунцин одарена невероятным талантом, ее боевое мастерство позволит ей сразиться с Фэн Линем, — глядя на Линь Цзяньхэна, проговорил Линь Хуаньюн. — Много лет назад твой отец по пьяной лавочке совершил глупость — сошелся с девицей из увеселительного дома, и от этой связи родилась она. Твоя мать пришла в ярость, но старший брат настоял на том, чтобы привезти девочку в поместье — его привлекла ее удивительная костная структура. Чтобы скрыть этот позор, твоя мать сквозь слезы признала ее твоей сестрой.

Линь Хуаньюн посмотрел на племянника:

— Старший брат передал тебе пост хозяина виллы, но оставил ее подле тебя лишь потому, что она — самый острый клинок, призванный защищать тебя и защищать нашу виллу. Знаешь ли ты, почему, даже изучая Метод Меча Семьи Линь, ты вечно недотягиваешь до совершенства?

— Почему? — недоуменно спросил Линь Цзяньхэн.

Линь Хуаньюн понизил голос:

— Потому что высшая ступень Метода Меча Семьи Линь — это бой на смерть, где в шаге от гибели ты ищешь лишь один миг, чтобы сокрушить противника.

Его трость указала на Линь Цзяньхэна:

— Лишь тот, кто не ведает страха смерти, способен раскрыть предельную мощь Метода Меча Семьи Линь.

Его пронзительный взгляд, ничуть не уступавший взглядам прежних лет, устремился на Линь Цзяньхэна:

— А в тебе живет страх.

Линь Цзяньхэн в испуге опустил голову и тихо произнес:

— Третий дядя...

Линь Хуаньюн вздохнул:

— Приходится признать дальновидность старшего брата. Оставить Линь Дунцин — и впрямь лучшее подспорье для тебя.

Он похлопал Линь Цзяньхэна по плечу:

— Все эти годы ты прекрасно управлял виллой, так что всю грязную работу оставь своей сестре.

На губах Линь Хуаньюна промелькнула презрительная усмешка:

— Она всего лишь отродье продажной девки, и в этом мире от нее толку-то ровно столько. Иначе зачем бы она была нужна?

— Третий дядя, я понял, — поклонившись, ответил Линь Цзяньхэн, но его глаза продолжали беспокойно метаться.

— Впрочем, ей об этом говорить не стоит. Меньше знаешь — крепче спишь. Сейчас она владеет непревзойденными искусствами, так что во всем нам придется полагаться на нее, — напутствовал Линь Хуаньюн. — Будучи старшим братом, ты должен соблюдать приличия на людях. Ты — хозяин виллы, а значит, должен уметь располагать к себе людей, чтобы они пахали на тебя.

Линь Цзяньхэн поспешно закивал. Линь Хуаньюн же остался помрачневшим. Выйдя за порог и глядя на висевшую у ворот виллы табличку, он думал: удастся ли защитить ее и по сей день?

Еще бабушка надвое сказала, сможет ли Линь Дунцин одолеть Фэн Линя, а осилит ли она самого Цан Лана?

Когда сумерки начали сгущаться, Линь Цзяньхэн прихватил с собой вино и отправился звать Линь Дунцин выпить.

Она лежала на дереве, беззапно раскачивая ногами, и от скуки, раздражения и досады срывала фрукты, швыряя их один за другим в стоявшую внизу Бай Цзиньжун.

— Хозяин виллы! — завидев Линь Цзяньхэна, Бай Цзиньжун испугалась, словно мышь перед котом, и тут же шмыгнула прочь.

Линь Дунцин бросила на него ленивый взгляд, снова закрыла глаза и демонстративно отвернулась.

— Младшая сестрица, спускайся, — поманив ее, с улыбкой произвел Линь Цзяньхэн. — Я принес твое любимое тушеное мясо и крепкую «Огненную водку», давай выпьем с твоим старшим братцем.

Линь Дунцин лениво протянула:

— Разве старший братец не проводит целые дни напролет подле сестрицы Чжицю? С чего это вдруг сегодня у тебя нашлось время навестить меня?

Линь Цзяньхэн слегка закусил губу, но тут же улыбнулся снова:

— Мы давно не виделись, спускайся же.

Линь Дунцин кувырком слетела вниз и приземлилась прямо перед ним. Бросив беглый взгляд на его выражение лица, она развязно уселась за столом под деревом, сама наполнила чашу и влила вино в рот.

«Огненная водка» отличалась чистым вкусом и крепостью. Линь Дунцин любила ее, а вот Линь Цзяньхэн пил редко, потому что Е Чжицю запрещала.

Брат и сестра пили и закусывали, и после пары чаш языки у них развязались.

— Ты еще молода, нравом горяча, подурачилась немного — братец не держит на тебя зла. Со

временем выйдешь замуж и образумишься, — Линь Цзяньхэн икнул, его лицо покраснело. — О том случае я ничего не сказал Чжицю.

Линь Дунцин как раз опасалась, что Е Чжицю узнает обо всем и возненавидит ее, так что услышанное принесло ей облегчение. Но в то же время ее вновь охватило раздражение из-за того, что в последнее время Линь Цзяньхэн не позволял ей видаться с Чжицю. Она опрокинула еще две чаши и фыркнула:

— Выйти замуж? Помнится, отец говорил, что замуж выдавать меня не станет, а велел взять мужа в примаки в семью Линь. Наказал мне всю жизнь не покидать клан.

— Раз ты не хочешь покидать семью Линь, то если приглянется кто-то, можешь запросто взять его в примаки, братец не станет удерживать тебя от этого, — улыбнулся Линь Цзяньхэн, искоса поглядывая на нее.

Линь Дунцин молча сжимала в пальцах чашу, как вдруг Линь Цзяньхэн наконец перешел к делу:

— Три дня назад глава Секты Десяти Тысяч Мечей Цан Лан, заключивший с нашим отцом десятилетнюю клятву, прислал на виллу вызов через своего приемного сына Фэн Линя. Схватка назначена через пять дней.

Линь Дунцин усмехнулась сама себе, а Линь Цзяньхэн продолжал:

— Фэн Линь прославился в юные годы, его Метод владения мечом «Разрывающий волны» доведен до совершенства. Даже тот недавний японский фехтовальщик не продержался под его началом и десяти приемов.

Линь Цзяньхэн посмотрел на нее:

— Наш отец всю жизнь защищал Первый Меч Поднебесной. Мы ведь не можем позволить ему тревожиться на том свете, правда?

— Старший брат, — Линь Дунцин кивнула ему на пояс. — Я запечатала меч.

Линь Цзяньхэн опустил взгляд на ее пояс — и впрямь, висевший там неизменно меч отсутствовал. Заглянув через окно внутрь комнаты, можно было смутно разглядеть на балке оружейный короб.

Линь Цзяньхэн пришел в ужас:

— Что это значит?

— Она нужна мне. Без сестрицы Чжицю я запечатаю меч, — серьезно глядя на него, произнесла Линь Дунцин.

Невозможность видаться с Е Чжицю ввергла Линь Дунцин в состояние потерянности. Смесь гнева, крушения надежд, разочарования и боли лишала ее всякой способности сосредоточиться во время тренировок.

— При одной мысли о том, что я могу навсегда лишиться сестрицы Чжицю, мне становится так больно, будто хочется умереть, — Линь Дунцин посмотрела на Линь Цзяньхэн. — Позавчера я едва не сошла с ума и чуть не уничтожила все свое мастерство. Поэтому, пока я не избавлюсь от этого внутреннего демона, я больше не прикаснусь к мечу.

— Безумие! Она же твоя невестка!! — ударом ладони Линь Цзяньхэн разнес каменный стол вдребезги. Чайник и чашки разлетелись по земле, а он уставился на нее налитыми кровью глазами. — Да как у тебя хватает наглости попирать все законы морали!

Линь Дунцин ничуть не испугалась и спокойно посмотрела на него:

— Мы с сестрицей Чжицю были вместе куда дольше, дольше, чем ты. И вовсе не я увожу ее у тебя — это ты давным-давно, давным-давно отобрал у меня самое дорогое.

Прятавшаяся за деревом Бай Цзиньжун услышала эти слова Линь Дунцин, слегка нахмурилась и тихо вздохнула.

— А ну выходи! — Линь Цзяньхэн, конечно же, не пропустил этот вздох, сжигаемый яростью, он бросился к Бай Цзиньжун и схватил ее.

Бай Цзиньжун рухнула на землю и в ужасе подняла голову:

— Я... я... проголодалась.

Увидев, что это всего лишь глупая служанка при Линь Дунцин, Линь Цзяньхэн не стал трогать ее. Убийственный блеск в его глазах погас, и, взмахнув рукавом, он удалился.

Вернувшись к себе, Линь Цзяньхэн заперся в комнате. Три дня и три ночи он не ел и не пил, до безумия тренируя Метод Меча Семьи Линь.

На четвертый день он тайком спустился с горы в поисках следов Фэн Линя и под покровом ночи, назвавшись учеником семьи Линь, сошелся с ним в бою.

Схватка не продлилась и ста приемов, как Линь Цзяньхэн потерпел поражение. Когда Фэн Линь попытался сорвать с него закрывавшую лицо маску, он ценой ранения в руку сберег

остатки лица и в полном замешательстве бежал.

Третье поколение

Линь Цзяньхэн был вне себя от ярости, но еще сильнее его терзал страх. Он собственными ушами слышал пьяные бредни Фэн Линя о том, что тот собирается сравнять с землей табличку Первого Меча Поднебесной, а после сделать так, чтобы Вилла Пересекающихся Мечей вечно пресмыкалась перед Сектой Десяти Тысяч Мечей.

Завтра должен был состояться назначенный поединок. Линь Цзяньхэн перевязал раненое правое плечо, его лицо выражало мрачную неопределенность.

— Ты сошел с ума! Накануне битвы посылать людей из семьи Линь проверять силу Фэн Линя — если об этом узнают, мы навсегда покроем позором род Линь! — толкая тростью дверь, вошел разгневанный Линь Хуаньюн.

Линь Цзяньхэн поспешно опустил полу халата и с натянутой улыбкой поднялся навстречу:

— Люди внизу проявили глупость, я уже наказал их.

Линь Хуаньюн фыркнул:

— Ничтожества. По мне так этой табличке семьи Линь долго не провисеть.

Медленно ковыляя, Линь Хуаньюн вышел за дверь, его спина казалась совсем согбенной.

Язычки пламени свечей трепетали на побледневшем, скрывающем тайфун страстей лице Линь Цзяньхэна. Настойчивый стук в дверь вывел его из задумчивости. Обернувшись, он увидел Е Чжицю в нежно-зеленом платье, чьи подвески покачивались в такт каждому шагу, а шедшая следом Тао Жань несла пиалу с супом.

— Поздняя ночь, почему ты до сих пор не спишь? — Е Чжицю поставила перед ним фарфоровую пиалу. — Я сварила для тебя суп, выпей пока горячий.

Линь Цзяньхэн сжал ее ладонь и тут же притянул к себе в объятия.

Е Чжицю издала легкий испуганный вздох и, сгорая от стыда, прижалась к его груди. Тао Жань благоразумно удалилась, прикрыв за собой дверь.

Линь Цзяньхэн страстно поцеловал ее, глядя по щеке, и долго хранил молчание.

— Что такое? У моего супруга есть тайные заботы? — Е Чжицю обладала тонким умом и, заметив его угрюмость, тоже взяла его за руку.

— Я... — во рту Линь Цзяньхэна стоял горький привкус. — Из-за грядущей битвы с Сектой Десяти Тысяч Мечей мне нужно уйти в затвор.

— Так внезапно... — с грустью прижавшись к его груди и положив ладонь ему на грудь, проворковала Е Чжицю. — Но эти дни, что ты провел со мной, были словно сон, я уже счастлива.

— Я знаю, как важна для семьи Линь битва с Сектой Десяти Тысяч Мечей. Ступай в затвор со спокойной душой, я о себе позабочусь, — с пониманием произнесла Е Чжицю.

Линь Цзяньхэн горько улыбнулся:

— Раньше ты вечно пыталась удержать меня от затвора, а нынче проявила такую заботу.

Е Чжицю шутливо укорила его взглядом, поднялась с его колен, грациозно поклонилась и промолвила:

— Тогда эта служанка удалится почивать.

Линь Цзяньхэн проводил взглядом ее удаляющуюся фигуру, и на душе у него стало еще сумрачнее.

Щелкнув пальцами, он позвал своего слугу:

— Ступай к второй барышне и скажи: сегодня ночью я уйду в затвор и из поместья не выйду.

Слуга поспешно удалился. Линь Цзяньхэн крепко сжал рукоять меча, его лицо позеленело от злости, и тенью мелькнув в комнате, он устремился к задним горам.

Язычки свечей колыхались, наполняя комнату тихими стонами. Изнемогавшая от пота Бай Цзиньжун с растрепанными волосами вцепилась пальцами в волосы Линь Дунцин, закусив губу и прерывисто дыша.

— Ч-чи... сестрица Чжицю, — бормотала Линь Дунцин. Стоило ей произнести это имя, как она мгновенно заливала пылающий огонь Бай Цзиньжун, лишь для того, чтобы в следующее мгновение вновь разжечь его до небес...

Подобные круговороты и непрекращающиеся муки раскаляли кожу Бай Цзиньжун докрасна.

В этот момент неподалеку раздался оклик:

— Вторая барышня здесь?

— Говори, что надо, — Линь Дунцин по голосу узнала человека Линь Цзяньхэна. Сжимающая сердце тоска заставила ее поспешно прижать ладонь ко рту, сдерживая готовые сорваться стоны.

— Хозяин виллы передал, что этой ночью уходит в затвор, и просит вторую барышню присмотреть за порядком.

Едва затихли шаги за дверью, Бай Цзиньжун инстинктивно вцепилась в воротник Линь Дунцин, но та ускользнула из ее рук, точно юркий угорь.

Бай Цзиньжун закусила губу, дрожа всем телом, и без всякого стыда позвала:

— Дунцин.

<http://bllate.org/book/21201/2145993>